

Вечная весна Питера Брука

Известия. - 1995. - 2 сент. - с. 5.

Резо ГАБРИАДЗЕ

И вот снова встреча с Питером Бруком, на этот раз в крошечном зальчике театра VIDÉ в Лозанне, в театре Рене Гонзалеса.



На какую еще высоту поднял планку 70-летний Питер Брук, чем еще может удивить великий мастер, и вообще: есть ли предел совершенству? Но вот начинается спектакль, и вы сразу понимаете, что сама эта мысль глупа, пошла, суетна, чужда театру и не имеет никакого отношения к Питеру Бруку.

На сей раз выбор режиссера пал на пьесу Сэмюэля Беккета «Счастливые дни», где Винни играет Натали Пари. Как дым, исчезает занавес, в белом ровном, студийном свете, не меняющемся до конца спектакля, без утра и вечера, без теней, в свете потустороннем, вместе с тем теплом, охристом, завораживающем глаз, будто «солнце мертвых» — предстает каменистый холм, выжженный, разрушенный ветром, временем, самой жизнью: он покрыт кочками жухлой травы, и из него торчит иссохшая ветка, быть может, ветка самшита...

Изобразительное решение спектакля, которое предлагает английский художник Хлоя Оболенская, сделавшая с Питером Бруком не один спектакль, блистательно. Оно не выглядит «находкой» художника, а представляется единственно верным изобразительным эквивалентом авторской и режиссерской мысли.

А на самой немного срезанной вершине холма — ушедшая по пояс в песок Натали Пари в черном легком лифе, в шляпке, очаровательная и трогательная, будто воспоминание, будто ушедшие годы...

И начинается действие... Тут следует заметить, что самая первая доля секунды входа в спектакль, часто наполненная неловкостью и неудобством, то самое мучительное мгновение и для тех, кто создает спектакль, и для тех, кто его исполняет и кто его смотрит, — момент часто, увы, непреодолимый до самого конца спектакля, — здесь преодолен с необыкновенной, изящной легкостью. Вы и вовсе не заметите, каким образом окажетесь в этом странном мире, сладостно ощущая свою сопричастность к происходящему на сцене. И вот вы уже перестаете помнить, что вы в театре, на спектакле, поставленном режиссером, где играют актеры и где рядом с вами сидят зрители, вы только чувствуете, как здесь протекает жизни поток и стекают, падают драгоценные капли ее... И тогда непонятным образом время спектакля становится и временем вашей жизни, лишенной, однако, обыденности и сиюминутности, жизни возвышенной и прекрасной. Как это странно... И как это просто. Все движения Натали Пари — Винни — такие скупые, самые нужные, единственно верные — в том и состоит красота. Вот и оказывается, что «ничего» не нужно — ни мизансцен, ни сложных переплетений в рисунке движений. Но об этом вы подумаете немного позже, улыбаясь над собой, потому что видели и другого Питера Брука, — и сложного, и сверхсложного... А сейчас, на спектакле, вы и не сможете отвлечься — словно

крупным планом черное пятно, это портфель рядом с актрисой, весь мелкий мусор жизни: помада, зеркальце, гребень... и браунинг; его Винни достает двумя пальчиками, кладет рядом с собой, такой нелепый, ненужный, идиотский в этом прозрачном мире увядания и ухода в темноту.

И не сразу вы ощутите, как тихо и деликатно ведут вас, и вы следуете за Винни — Пари на праздник любви. И вот скала Хлоя Оболенской превращается в песочницу детских воспоминаний и перед нами женщина «с прошлым» в мерцании времен — одновременно и мама, и сестра, жена, любимая и «незнакомка». Иногда спазм подступает к горлу, когда вы видите, как беспомощно стоит Винни — Пари, ищет в себе силы перед тем, как вступить в царство вечной темноты, затем постепенно укрепляется духом, и это позволит вам вздохнуть с облегчением.

Может быть, кто-то из читателей подумает, что спектакль перенасыщен многозначительностью. Нет, конечно, нет...

Первый акт легок, смешон, воздушен, второй летит, словно стрела, словно годы после сорока — безжалостно, немилосердно, трагично...

Второй акт наполнен дыханием высокой трагедии, вопросом: чем все это может кончиться? Только Брук может так: он позволяет вам ощутить, как восходит солнце, потом сразу покажет, как оно зашло, и тут овладеет вами чувство благодарности за жизнь, за то, что она подарена вам, за такую, какой вы ее прожили, какой она была — пусть горькая, мучительная, грешная...

Охватит чувство благодарности даже за эту минуту в этом театре, проведенную с незнакомыми и знакомыми людьми, объединенными причастностью к волшебству, что вместе сотворили вы с очаровательной Винни — Пари и Вилли — Франсуа Бертье, с Сэмюэлем Беккетом и вечно молодым Питером Бруком.

До конца спектакля вас не покинет ощущение, будто Натали Пари вот здесь, при вас сквозь пальцы прошептала песчинки и вашей жизни, и не они ли затвердели в эту скалу? Кто знает... Может, есть и айсберг из людских слез, и бродит он у неизвестных берегов...

Как-то я спросил Натали Пари: «Кто слышал первую каплю дождя? И кто слышал последнюю каплю дождя?»

Теперь я получил ответ: «Питер Брук».

На снимке: сцена из спектакля.

Фото Марио ДЕЛЬ КУРТО.